

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ
КЛИНИКА
№ 4

Я СОШЛА С УМА

18+

Лия Мор

Я сошла с ума

<https://litres.ru/74666924>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дом помнит всё. Особенно то, что ты пыталась забыть».

Ли́ра всегда знала, что она «сломанная».

Таблетки доктора Вэнса должны были превратить её в нормальную девочку, но вместо этого они лишь стирали границы между сном и явью, превращая реальность в бесконечный, липкий кошмар.

Побег ночью на поиски правды.

Она всегда знала, что с её семьёй что-то не так, но только сейчас, стоя на пороге особняка «Уиллоу-Крик», она понимает масштаб лжи. Безумие - это не болезнь, которую лечат в элитных клиниках.

Это наследственность.

Это кровь, которая помнит всё.

Но вдруг лучше было не искать ключик к уже давно запертой стене?

Убийство семьи, тайны, тени...

И загадочный парень, который и есть тот самый ключ к разгадке.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лия Мор

Я сошла с ума

Пролог

Вы когда-нибудь чувствовали, что вот-вот сорвётесь с края? Что, если скажете вслух то, что крутится в голове, вас просто перестанут слушать - или, хуже того, начнут слушать слишком внимательно?

Моя история началась на улице Вязов, 14. В той части Ривертона, где старые дома шарахаются друг от друга, а между участками гниют заросли сирени и высоченные изгороди.

Слишком медленно. К делу.

Меня зовут Лира. Я с рождения вижу то, что белые халаты называют шизофренией. Диагноз мне, не дрогнув лицом, выписал доктор Леонард Вэнс. Мужчина за сорок, идеальный пробор, седина и борода, подстриженная с пугающей точностью.

— Расскажи мне, что ты слышишь, Лира. Только правду.

Давайте мыслить здраво: Скажу правду - он, не моргнув глазом наденет на меня сминительную рубашку. Буду врать - мама сдаст меня со всеми потрохами, едва мы выйдем за дверь. Выбор без выбора.

— Всё началось, когда мне было шесть. Я собирала пазл

прямо на полу. И тут стены начали шептаться. Словно в комнате включили сломанное радио. Я завизжала и бросилась к маме. Она стояла у плиты и переворачивала котлеты, даже не обернувшись.

— И как часто ты стала их слышать?— спрашивает Вэнс.

Я должна помнить все свои детские галлюцинации? А вы, доктор, точно лучший психотерапевт в Ривертоне? Или просто самый дорогой?

— Не так часто, как после происшествия в школе. Лира вскочила посреди урока и, глядя в пустоту, спросила: «Кто здесь?». Учитель отправил её к медсестре и позвонил мне. С того дня Лира обучается на дому.

— Ну спасибо, мам.

Вэнс чуть поёрзал в кресле, а пальцы крепче сжали авторучку.

— Хорошо... А когда ты это слышишь, ты что-нибудь видишь? Что-то или кого-то?

— Не всегда. Это... как тень. Ту самую, которую замечаешь лишь потому, что она не двигается со светом. Как контур, прочерченный тончайшей линией. Стоит моргнуть - и пусто. Но в ту секунду, когда он есть, я точно знаю: мужской или женский. Без лиц. Без одежды. Только вибрация формы. Плотность пустоты.

Вэнс не моргал. Его авторучка зависла над страницей блокнота, так и не коснувшись бумаги. Он медленно, почти незаметно кивнул, словно подтверждая что-то самому себе.

— Ты говоришь «ощущение формы». То есть ты не можешь описать ту же причёску, цвет глаз?

— В основном да... Но бывали случаи, когда я шла по улице и видела мужчину. Не тень, а именно «живого». А потом видела, как он прошёл сквозь прохожего.

— «Живого», - эхом отозвался он. — В какое время суток это обычно происходит? И... эти люди, сквозь которых он проходил... они спотыкались? Вздрагивали? Или продолжали идти, как ни в чём не бывало?,-

Он подался вперед, упираясь локтями в колени. Маска сочувствующего врача окончательно растворилась. Перед Лирой сидел хищник, почуявший самую чистую добычу в своей карьере.

В кабинете повисла тишина. Уже в ожидании того, как на меня наденут рубашку, у меня началась тряска ноги. Мелкая, высокочастотная дрожь, от которой завибрировала плотная ткань брюк.

Вэнс не моргал. Его взгляд, только что хищно изучавший мою коленку, остекленел - он фиксировал «пилообразный паттерн» тремора.

Но вдруг на моё колено легла рука мамы.

Дрожь оборвалась. Не затихла постепенно, а именно оборвалась, словно перерезали натянутый провод. Контраст был пугающим: только что вибрировавшая ткань брюк теперь казалась неестественно, мертвенно спокойной.

Рука была тяжелой и горячей. Я почувствовала не успо-

коение, а удушье. Это была не поддержка. Это был якорь, брошенный в бездну, чтобы не дать мне упасть - или чтобы не дать мне сбежать. Вэнс перевел взгляд с моей ноги на её пальцы. Его улыбка стала чуть более задумчивой.

— На сегодня хватит. Запишите на повторный приём, скоро моя смена в библиотеке, нехорошо опаздывать, думаю, вы согласитесь, доктор. - Прозвучал холодный голос матери.

Вэнс медленно моргнул. Его взгляд переместился с неподвижного колена Лиры на лицо женщины. Он не изменил позы, но в его «исследовательском» азарте произошла тонкая, почти хищная перенастройка. Он больше не смотрел на Лиру как на сломанный механизм. Теперь он смотрел на них обоих как на единый, странный организм с двумя головами.

— Библиотека, - повторил он, но теперь, адресуя это слово ей. — Что ж, стремление к каталогизации хаоса - это очень по-человечески. Но видите ли, я категорически не согласен с пациентами, которые уходят ровно в тот момент, когда мы подходим к сути.

Он не повысил голос, но его тихий тон перекрыл её «холодный голос». Вэнс медленно положил ручку на стол - звук был резким, как щелчок предохранителя. Он подался вперед, упираясь предплечьями в стол, сокращая дистанцию. — Я видел тремор вашей дочери, - продолжил он, глядя прямо на мать. — А теперь я вижу, как вы пытаетесь «отменить» его, просто переведя стрелки часов. Вы думаете, если мы вовремя выйдем отсюда и успеем в библиотеку, выб-

рация в её ноге исчезнет? Это не библиотечный формуляр, который можно просто вернуть на полку. Это распад. И если мы закончим сейчас, вы заберете её домой в таком же состоянии, в каком привели. С проводом, обрезанным под напряжением. Вы действительно хотите везти её через весь город в таком виде?

— Хорошо, доктор. Как скажете. Но если она сорвётся прямо здесь, на этом ковре... — вся ответственность будет на вас. Я умываю руки. Вы ведь, по всей видимости, знаете мою дочь лучше, чем я.

Вэнс не моргнул. На его губах проступила та самая, пугающая улыбка исследователя, но теперь в ней не было и тени веселья — только чистое, академическое удовлетворение. Он медленно, почти вкрадчиво сложил руки на животе. Переводя взгляд с матери на Лиру, его голос стал мягким, гипнотическим, лишённым всякого врачебного этикета.

— Вы слышали, Лира? - спросил он, полностью игнорируя застывшую у двери женщину. — Ваша мама. Она... умывает руки. Это ведь то, чего вы боитесь на самом деле? Не смиренной рубашки. Не моего диагноза. А того, что в ту секунду, когда ваша нога начнёт дрожать слишком сильно, она просто отвернётся?

Воздух в кабинете стал густым, тяжёлым. Этот удар пришёлся точно в цель - поддых, туда, где заканчиваются рёбра и начинается чистая, ничем не защищённая паника.

— Что ж, раз ответственность теперь на мне... Мы не за-

кончим. Мы только начинаем. Идите, - он наконец удостоил мать взглядом. — Дверь там. Сегодня я освобожу вас от родительских обязанностей. Посмотрим, как долго ваша дочь продержится без вашего... контроля.

Лицо матери пошло пятнами. Маска вежливого снисхождения треснула, обнажив что-то хищное и испуганное. Она открыла рот, чтобы возразить, и напомнить ему о своём статусе, но Вэнс её опередил. Он медленно, демонстративно взял со стола ежедневник и открыл его на чистой странице.

— Если вы сейчас же не выйдете, - произнёс он, не поднимая глаз, — я буду вынужден вызвать охрану. И зафиксировать в карте, что законный представитель пациента активно препятствовал оказанию экстренной психиатрической помощи. У вас есть три секунды, прежде чем я нажму кнопку под столом.

Он не блефовал. Мать поняла это по тому, как дрогнула его рука над столешницей. Её губы сжались в тонкую, белую нить. Не сказав ни слова, она резко развернулась. Каблуки её туфель яростно простучали по ламинату, а затем входная дверь хлопнула так, что задрожали стёкла в шкафу.

Я вжалась в спинку кресла, вцепившись пальцами в подлокотники так, что побелели костяшки. Воздух в кабинете мгновенно загустел, превратился в кисель. Я пыталась вдохнуть, но горло сжало невидимой удавкой - воздух царапал гортань, но не попадал в лёгкие. Это не было похоже на обычный страх. Это было физическое осознание: меня бро-

силы.

Паника сменилась чем-то другим. Липким, холодным ужасом. Если с мамой в кабинете я была пленницей, которая надеялась на помилование, то теперь я попала в Психиатрическую больницу доктора Вэнса: «Ривертон-Холл».

— Что ж, Лира, - его голос прозвучал так тихо, что я скорее почувствовала вибрацию воздуха, чем услышала звук. — Мы поможем тебе.

Глава 1

Прошёл месяц.

Сегодня меня выписывают.

Я сидела на краю койки, сложив руки на коленях, как учили на групповой терапии. Поза «открытости». Хотя кому здесь нужна моя открытость?

Мама должна подъехать «после обеда», как только бу-маги пройдут последний круг ада в регистратуре.

За всё это время, пока меня якобы лечили, она не появилась ни разу. Ни в приёмные часы, ни вне их. Домой я звонила по таксофону в коридоре, но там всегда срабатывал автоответчик: «Нас нет дома. Оставьте сообщение после сигнала». Сигнал. Писк. Пустота.

Я пыталась убедить себя, что так лучше. Что она не выдерживает больничного запаха. Что ей нужно работать, чтобы оплачивать это «лечение». Но в глубине души я знала правду, и эта правда была похожа на проглоченное стекло.

Единственным живым пятном в этом вакууме была тётя Бэсс. Ирония судьбы: она работала в городской библиотеке. Там же, где и мама. Они дружили с колледжа, но сей-

час их пути разделились: мама выбрала карьеру и каталогизацию, Бэсс - мужа и двойняшек, Кори и Конрада. Я часто забегала к ним. Её дом пах счастьем и беспорядком. Кори вечно рисовал на обоях, а Конрад строил крепости из диванных подушек. Мама звала их «Ходячая скарлатина» и «Маленький анархист». Бэсс же звала их «мои мальчики».

Как же я обожаю её вишнёвый пирог. Даже приходя сюда, в этот стерильный ад, она не забывала его для меня. Коробка из белого пластика всегда была тёплой.

— Съешь кусочек, и всё станет проще, - говорила она, открывая крышку.

«Проще». Если бы всё было так просто. Если бы можно было запечь страх в тесте и выбросить его в мусорное ведро.

Но я всё равно ела. Каждый вторник. Потому что это был единственный раз, когда кто-то смотрел на меня и видел не «случай для изучения», а девочку, которая любит вишнёвый пирог.

— Лира, - раздался голос из динамика под потолком. Он не искажался, но казался неживым. — Время приёма лекарств.

Я резко вернулась из своих мыслей в реальность, словно

меня ударили током. Тепло тёти Бэсс и запах вишни мгновенно испарились, оставив после себя озоновый холод больницы палаты.

— Иду, - сказала я в пустоту, хотя знала, что меня никто не слышит. Это была привычка. Рефлекс.

Идя по коридору на пункт получения «волшебных пилюль», я натываюсь на доктора Вэнса. Он шёл мне навстречу.

— Лира, а я как раз иду к тебе с выпиской. Твоя мама уже ждёт тебя в зале встреч. Но перед тем как ты уйдёшь, я бы хотел с тобой поговорить.

Я кивнула. Внутри всё сжалось в тугую, горячий комоч паники, но на лице, я надеюсь, не дрогнул ни один мускул. Я слишком хорошо выучила, что здесь нельзя показывать настоящие эмоции. Девочке с соседней койки так ввели через вену препарат, от которого она стала похожа на бесчувственного зомби.

— Вот и умница, - Вэнс улыбнулся. Его улыбка была мягкой, почти отеческой, но я видела в ней зубы. — Видишь? Мы же говорили, что всё станет проще. Ты научилась слушать. После того как выпьешь лекарство, жду в своём кабинете, - закончил Вэнс.

Слова «жду в кабинете» эхом отдавались в голове, пока

я шла к посту. Я знала, что будет после этих таблеток. Мир станет плоским. Звуки - далёкими. Как будто меня накроют толстым, пыльным стеклом. Я стану чуть ближе к тому «зомби» с соседней койки.

Взяв стаканчик из рук медсестры, я посмотрела на голубую пилюлю. Она лежала на дне, как осколок неба, упавший в лужу. Я закрыла глаза и проглотила их, вернув стаканчик медсестре.

Двигаясь в направлении кабинета Вэнса, меня опять потянуло в сон - наверное, самый безобидный побочный эффект препарата.

Я уже набрала несколько килограмм. Мозгом я понимала это: из-за своего худощавого телосложения выгляжу сейчас неплохо. Щёки округлились, исчезли эти острые, птичьи скулы, которые так ненавидела мама. Я стала выглядеть... нормальной. Человеческой.

По пути к кабинету висит зеркало в полный рост.

Я старалась не смотреть в него никогда, но сегодня ноги сами замедлились.

На меня смотрела девушка. Лицо было одутловатым, чуть отёкшим - классика для анти-психотиков. Меня не назвать красавицей, но и не уродина. Волосы: густые, объёмные кудри тёплого медно-каштанового оттенка. Глаза тёмно-янтарные, почти чёрные в этом тусклом коридорном свете.

Я дотронулась до своей щеки. Пальцы коснулись мягкой,

податливой плоти. Отшатнувшись от стекла, как от огня, я продолжила свой путь к кабинету Вэнса. Но «продолжила» - это слишком сильное слово. Мои ноги двигались сами по себе, а сознание осталось стоять там, перед зеркалом, глядя на чужое лицо. Вот, добравшись до нужного кабинета, мой взгляд пробежался по дверной табличке: «Заведующий отделением психиатрии Леонард Вэнс».

Я подняла руку, чтобы постучать, но костяшки пальцев были бледными и дрожали так сильно, что звук получился жалким, мышинным писком.

— Войдите, - раздалось изнутри.

Распахнув дверь, меня встретила не его улыбка, а запах. Дорогой, древесный одеколон, который он всегда выливал на себя слишком много.

— Ты видела своё лицо в коридоре, - сказал он вместо приветствия.

Чёртов шпион со своими камерами на каждом углу... Остаётся надеяться, что скрытых камер нет в уборной.

— Не стой на сквозняке, Лира, - произнёс он. — Садись. Я села.

Кресло Вэнса было огромным, кожаным, тёмно-бордовым. Когда я опустилась в него, я утонула. Подлокотники оказались на уровне моих плеч, заставляя меня чувствовать себя ребёнком в кресле взрослого.

За прошедший месяц он в первый раз пригласил меня в свой кабинет. В основном, если ему нужно было поговорить,

он это говорил на врачебном обходе или на групповой терапии.

— Твои показатели за месяц улучшились, конечно же, если то, что ты говорила - правда...,- Вэнс покосился на меня.— Твоя мама настояла на выписке, хотя, на мой взгляд, я бы оставил тебя ещё на пару недель.

— Я... я старалась, доктор, - произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Теней больше нет. Мужчин, проходящих сквозь стены... тоже. Всё прошло.

Это была ложь. Я видела тень по дороге сюда. Она стояла за углом, у пожарного выхода. Но если я скажу ему об этом, «пару недель» превратятся в «пару месяцев».

— Вот и умница, - он откинулся на спинку кресла, удовлетворённо сложив руки на животе. — Видишь? Когда ты перестаёшь сопротивляться, тело само начинает исцеляться. Химия мозга - удивительная вещь.

Он врал. Он знал, что я вру. И ему это нравилось.

— Что ж, твоя мама тебя заждалась. До встречи через месяц, Лира.

— До свидания, доктор, - мой голос прозвучал как эхо в пустой банке.

Я шла к выходу, глядя на свои руки. Кожа была бледной, почти прозрачной, вены синими дорожками. Я выглядела как анатомический экспонат. Вэнс выпотрошил меня и аккуратно зашил обратно.

Толкнув тяжёлую дверь, я вышла на улицу.

Мама стояла у машины. Увидев меня, она поспешно вытерла глаза и, натянув улыбку, бросилась ко мне, обнимая так крепко, что затрещали рёбра.

— Ты плакала,- сказала я. Это не было вопросом. Я просто констатировала факт.

— О, милая, нет, просто аллергия. Боже, ты так похорошела!

Слово «похорошела» ударило по барабанным перепонкам. Я отстранилась от её объятий, чувствуя, как горит кожа там, где она меня касалась. Вэнс накачал меня таблетками, которые замедляют реакцию, но сейчас, на открытом воздухе, адреналин начал пробиваться сквозь химическую пелену, и всё стало невыносимо резким.

— У тебя тушь потекла, - сказала я, глядя на чёрные разводы у неё под глазами. Мой голос звучал плоско, как у робота.

Мама села за руль, быстро промокнула лицо салфеткой, размазывая тушь ещё больше. Я села на пассажирское сиденье, пристегнув ремень и молча уткнулась в окно машины.

— Ты пристегнулась? - спросила она, не глядя на меня. — Хорошо. Я так боялась, что Вэнс передумает. Он сказал, что ты... что твой случай был одним из самых сложных. Но он справился. Мы должны быть благодарны ему, Лира. Он буквально собрал тебя по частям.

Слово «собрал» вызвало волну тошноты. Я выглядела как старая, плохо надутая резиновая кукла. А она так говорит, будто я вышла из курорта, а не из психушки. Но сил спорить и выяснять что-то, просто не было. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 2

Провал.

Тьма.

А затем - удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.